

Шерли

Глава I

ЛЕВИТЫ¹

За последние годы на севере Англии появилось великое множество младших священников; особенно посчастливилось нашей гористой местности: теперь почти у каждого приходского священника есть один помощник, а то и больше. Надо полагать, что они сделают немало добра, ибо они молоды и энергичны. Но мы собираемся вести повествование не о последних годах, мы обратимся к началу нашего столетия; последние годы подернуты серым налетом, выжжены солнцем и бесплодны; забудем же о знойном полудне, погрузимся в сладостное забытье, в легкую дремоту и в сновидениях увидим рассвет.

Читатель, если по этому вступлению ты предполагаешь, что перед тобой развернется романтическое повествование, — ты ошибаешься. Ты ждешь поэзии и лирических раздумий? Мелодрамы, пылких чувств и сильных страстей? Не рассчитывай увидеть так много, тебе придется довольствоваться кое-чем более скромным. Перед тобой предстанет простая будничная жизнь во всей ее неприкрашенной правде, нечто столь же далекое от романтики, как понедельник, когда труженик просыпается с мыслью, что нужно скорее вставать и приниматься за работу. Возможно, в середине или в конце обеда тебе подадут что-нибудь повкуснее, но первое блюдо будет настолько постным, что и католик — и даже англо-като-

---

¹ *Левиты* — древнееврейские священнослужители; позже из числа левитов набирались храмовые прислужники. (*Здесь и далее прим. ред.*)

лик — не согрешил бы, отведав его в Страстную пятницу: холодная чечевица с уксусом без масла, пресный хлеб с горькими травами и ни куска жареной баранины.

Итак, за последние годы север Англии наводнили младшие священники, но в тысяча восемьсот одиннадцатом или двенадцатом году такого наплыва не было: младших священников тогда насчитывалось немного; не было еще ни приходской кассы вспомоществования, ни благотворительных обществ, способных позаботиться об одряхлевших приходских священниках и предоставить им возможность нанять молодого деятельного собрата, только что окончившего Оксфорд или Кембридж. Нынешних преемников апостолов, учеников доктора Пьюзи¹ и членов коллегии миссионеров, в те дни еще пестовали под теплыми одеяльцами и няни подвергали их животворному обряду омовения в умывальном тазу. Увидев их тогда, вы не подумали бы, что накрахмаленная пышная оборка чепчика обрамляет чело будущего носителя духовного сана, предопределенного свыше преемника св. Павла, св. Петра или св. Иоанна. И вы бы, уж конечно, не разглядели в складках их детских ночных рубашонок белый стихарь, в котором им предстояло впоследствии сурово наставлять своих прихожан и повергать в полное изумление старомодного священника, — этот стихарь так бурно колыхался теперь над кафедрой, тогда как прежде он лишь чуть шевелился внизу.

Однако и в те скудные времена помощники священников все же существовали, но лишь кое-где, как редкостные растения. Впрочем, один благословенный округ Йоркширского графства мог похвастать тремя такими жезлами Аарона², которые цвели пышным цветом на небольшой площади в каких-нибудь двадцать квадратных миль. Сейчас ты их увидишь, читатель. Войди в уютный домик на окраине города Уинбери и загляни в малень-

---

¹ *Пьюзи Эдвард Боувер* (1800—1882) — английский богослов, один из лидеров так называемого оксфордского движения — католизирующего направления в Англиканской церкви.

² Согласно библейскому тексту, Аарон победил в споре между начальниками двенадцати колен Израилевых о том, кто будет первосвященником, так как из двенадцати жезлов, оставленных на ночь в храме, лишь жезл Аарона расцвел.

кую комнатку, — вот они обедают. Позволь тебе их представить: мистер Донн, помощник священника из Уинбери; мистер Мелоун, помощник священника из Брайерфилда; мистер Суитинг, помощник священника из Наннли. Владелец этого домика — некий Джон Гейл, небогатый суконщик, у которого квартирует мистер Донн, любезно пригласивший сегодня своих собратьев отобедать у него. Подсядем к ним и мы, посмотрим на них, послушаем их беседу. Сейчас они поглощены обедом; а мы тем временем немного посудачим.

Джентльмены эти в расцвете молодости; от них веет силой этого счастливого возраста, силой, которую старые унылые священники пытаются направить на стезю христианского долга, убеждая своих молодых помощников почаще навещать больных и усердно надзирать за приходскими школами. Но молодым левитам такие скучные дела не по душе: они предпочитают расточать свою кипучую энергию в особой деятельности, — казалось бы, столь же утомительно однообразной, как труд ткача, но доставляющей им немало радости, немало приятных минут. Я имею в виду их непрерывное хождение в гости друг к другу, какой-то замкнутый круг или, вернее, треугольник визитов, в любое время года: и зимой, и весной, и летом, и осенью. Во всякую погоду, не страшась ни снега, ни града, ни ветра, ни дождя, ни слякоти, ни пыли, они с непостижимым рвением ходят один к другому то пообедать, то выпить чаю, то поужинать. Что влечет их друг к другу, трудно сказать; во всяком случае, не дружеские чувства — их встречи обычно кончаются ссорой; не религия — о ней они никогда не говорят; вопросы богословия еще изредка занимают их умы, но они никогда не касаются благочестия; и не чревоугодие — каждый из них и у себя дома мог бы съесть столь же добрый кусок мяса, такой же пудинг, столь же поджаристые гренки, выпить столь же крепкого чая. По мнению миссис Гейл, миссис Хог и миссис Уипп — квартирных хозяек, — «это делается только для того, чтобы доставить людям побольше хлопот». Под «людьми» эти дамы подразумевают, конечно, себя, да и нельзя не согласиться, что постоянные нашествия гостей хлопот доставляют немало.

Как уже было упомянуто, мистер Донн и его гости сидят за обедом; миссис Гейл им прислуживает, но

в глазах у нее сверкает отблеск жаркого кухонного огня. Она находит, что за последнее время ее жилец злоупотребляет своим правом приглашать к столу друзей без дополнительной оплаты, о чем была договоренность при найме квартиры. Сегодня еще только четверг, однако уже в понедельник к завтраку явился мистер Мелоун, помощник священника из Брайерфилда, и остался к обеду; во вторник тот же мистер Мелоун вместе с мистером Суитингом из Наннли зашли выпить по чашке чаю, потом остались ужинать и переночевали на запасных кроватях, а в среду утром соизволили и позавтракать; и вот нынче, в четверг, оба они снова тут как тут! Обедают, да наверняка еще и проторчат целый вечер. «*C'est trop*»¹, — сказала бы она, если бы говорила по-французски.

Мистер Суитинг мелко режет ростбиф и жалуется, что он жесткий как подошва; мистер Донн сетует на слабое пиво. Вот это хуже всего! Будь они учтивы, хозяйке было бы не так обидно; если бы ее угощение пришлось им по вкусу, она бы им многое простила, но «молодые священники слишком уж заносятся и на всех смотрят сверху вниз; они дают ей понять, что она им не ровня», и позволяют себе дерзить ей только потому, что она не держит служанки и ведет хозяйство сама, по примеру своей покойной матери; вдобавок они постоянно бранят йоркширские обычаи и йоркширцев, а это, по мнению миссис Гейл, говорит о том, что они не настоящие джентльмены, во всяком случае, не благородного происхождения. «Разве сравнишь этих юнцов со старыми священниками! Те умеют себя держать и одинаково обходительны с людьми всякого звания».

«Хле-ба!» — крикнул мистер Мелоун, и его выговор, хотя он и произнес всего лишь двусложное слово, тут же выдал уроженца края трилистника и картофеля². Этот священник особенно неприятен хозяйке, однако он внушает ей трепет — так он велик ростом и широк в кости! По всему его обличью сразу видно, что это истый ирланд-

---

¹ Это уж слишком (*фр.*).

² Речь идет об Ирландии, национальной эмблемой которой является трилистник.

дец, хотя и не «милезианского»¹ типа, подобно Даниелю О'Коннеллу²; его скуластое, словно у североамериканского индейца, лицо характерно лишь для известного слоя мелкопоместных ирландских дворян, у которых на лицах застыло высокомерно-презрительное выражение, более подходящее рабовладельцам, чем помещикам, имеющим дело со свободными крестьянами. Отец Мелоуна считал себя джентльменом; почти нищий, кругом в долгах, а надменности хоть отбавляй; таков же и его отпрыск.

Миссис Гейл поставила хлеб на стол.

— Нарезь его, женщина, — приказал гость.

И «женщина» повиновалась. Дай она себе в эту минуту волю, она, кажется, заодно отрезала бы и голову священнику; такой повелительный тон возмутил до глубины души гордую уроженку Йоркшира.

Священники, обладая изрядным аппетитом, съели изрядное количество «жесткого как подошва» жаркого и проглотили немало «слабого» пива; йоркширский пудинг и две миски овощей были уничтожены мгновенно, как листва, на которую налетела саранча; сыру также было воздано должное, а сладкий пирог вмиг исчез бесследно, как видение! И только на кухне ему была пропета отходная Авраамом, сыном и наследником миссис Гейл, малышом шести лет; он рассчитывал, что и ему кое-что перепадет, и при виде пустого блюда в руках матери отчаянно заревел.

Тем временем священники потягивали вино, правда, без особого удовольствия, ибо оно не отличалось высоким качеством. Что и говорить, Мелоун попросту предпочел бы виски, но Донн как истый англичанин не держал у себя такого напитка. Потягивая портвейн, они спорили; спорили не о политике, не о философии, не о литературе — эти темы никогда их не интересовали — и даже не о богословии, практическом или догматическом; нет, они обсуждали незначительные частности церковного устава, мелочи, которые всем, кроме них самих, показались бы пустыми, как мыльные пузыри. Мистер Мелоун ухитрился осушить

---

¹ «Милезианский» — здесь в знач. древнеирландский: милезианцы — мифические предки современных ирландцев.

² О'Коннел Даниель (1775—1847) — ирландский государственный деятель.

два стакана, в то время как его друзья выпили по одному, и настроение его заметно поднималось: он развеселился на свой лад — стал держать себя вызывающе, заносчивым тоном говорил дерзости и покатывался со смеху от собственного остроумия.

Каждый из сотрапезников по очереди становился мишенью для его острот. У Мелоуна всегда был наготове запас плоских шуточек, которыми он угощал своих приятелей при дружеских встречах, не пытаясь быть разнообразным; это и не требовалось, ибо сам он не находил себя скучным, а о том, что думают другие, нимало не заботился. Он высказался насчет чрезмерной худобы и вздернутого носа мистера Донна, поехидничал, критикуя некий весьма потертый шоколадно-коричневый сюртук, к которому сей джентльмен питал особое пристрастие во всех случаях жизни и при любой погоде, посмеялся над выговором приятеля и вульгарными словечками, которыми тот пересыпал свою речь, что, безусловно, придавало ей своеобразное «изящество» и колоритность.

Суитинга он попрекнул тщедушным видом, — тот рядом с верзилкой Мелоуном и в самом деле казался чуть ли не ребенком, — посмеялся над его музыкальными талантами, ибо Суитинг играл на флейте и пел гимны ангельским голосом (по мнению некоторых его юных прихожанок), назвал его «дамским угодником» и в довершение всего принялся ехидничать насчет нежной привязанности юноши к матушке и сестрицам, о которых тот имел неосторожность говорить в присутствии ирландца, чье черствое сердце начисто лишено было родственных чувств.

Жертвы воспринимали его нападки каждый по-своему: Донн противопоставлял им броню самодовольной тупости и невозмутимой важности, заменявшей ему чувство собственного достоинства; Суитинг — равнодушие покладистого, веселого юнца, который о поддержании достоинства вовсе не заботился.

Но когда насмешки стали чересчур колкими, жертвы объединились и попытались отплатить обидчику той же монетой. Они полюбопытствовали, сколько мальчишек кричали ему сегодня вслед: «Питер-ирландец!» (Мелоуна звали Питер — преподобный Питер Огест Мелоун); поинтересовались, не из Ирландии ли идет странный обы-

чай — навещать своих прихожан с заряженными пистолетами в карманах и с дубинкой в руках; предложили разъяснить им значение слов: покр-ров, твер-рдость, р-руль, гр-роза (так, раскатывая «р», произносил их мистер Мелоун), — словом, пускали в ход все свое природное остроумие, чтобы побольнее его уколоть.

Разумеется, ни к чему хорошему это не привело. Мелоун, не отличавшийся ни благодушием, ни спокойным нравом, вышел из себя. Он кричал, размахивая руками, а Донн и Суитинг хохотали. Он вопил, что они саксы и снобы, и его пронзительный кельтский голос звенел на самых высоких нотах; они в ответ напоминали ему, что он уроженец завоеванной страны. От имени своей «р-родины» он грозил им восстанием, изливал накипевшую в нем ненависть к господству Англии; они тыкали ему в глаза лохмотья, нищету, болезни его родной Ирландии. В маленькой гостиной поднялся невообразимый шум. Кажалось, такая ядовитая перебранка неминуемо должна закончиться дракой. Было удивительно, что хозяева не пугаются, не посылают за констеблем для водворения порядка; но они уже привыкли к подобного рода бурным спорам, знали, что у священников ни обед, ни чай не обходились без состязаний в красноречии и что это ничем не грозит; знали также, что от их ссор больше шума, чем вреда, и что в каких бы отношениях ни расстались друзья сегодня вечером, завтра утром они встретятся как ни в чем не бывало.

Итак, почтенные супруги сидели у кухонного очага, прислушиваясь к громким ударам кулака Мелоуна по обеденному столу красного дерева, к звону подсакивающих стаканов и графина, к насмешливому хохоту двух союзников-англичан и несвязным выкрикам их одинокого противника-ирландца, как вдруг на крыльце послышались чьи-то шаги и настойчиво застучал дверной молоток.

Мистер Гейл пошел отворять.

— Кто это у вас шумит наверху? — властно спросил чей-то гнусавый голос.

— Никак это мистер Хелстоун? В темноте я вас не сразу и разглядел... теперь так рано темнеет. Милости просим, сэр, входите.

— Сначала мне нужно знать, стоит ли входить. Кто у вас там?

— Молодые священники, сэр.

— Как, все трое?

— Да, сэр.

— Обедали здесь?

— Да, сэр.

— Отлично.

С этими словами в дом вошел пожилой мужчина, весь в черном. Он пересек кухню, отворил внутреннюю дверь и, подняв голову, прислушался. Да и было что послушать — спорщики, как нарочно, шумели пуще прежнего.

Посетитель буркнул что-то себе под нос; затем, обратясь к мистеру Гейлу, спросил:

— И часто они у вас этак развлекаются?

Мистер Гейл, бывший церковный староста, всегда проявлял снисходительность к особам духовного звания.

— Молоды еще, сэр, сами знаете, — сказал он примирительно.

— Молоды! Проучить их надо! Негодники, бездельники! Ведь если бы вы были диссидентом¹, а не добрым сыном Англиканской церкви, они бы все равно вели себя так же, они бы себя позорили... но уж я...

Не закончив фразы, он вышел из кухни, затворив за собой дверь, и поднялся по лестнице. На верхней площадке он снова остановился и послушал. Затем без стука распахнул дверь комнаты и остановился на пороге.

Все трое смолкли, оторопело уставясь на него; неожиданный гость тоже замер на месте. Это был человек невысокого роста, но с очень прямым станом и широкими плечами, а его маленькая головка с острыми глазами и крючковатым носом делала его похожим на ястреба; не считая нужным снять или хоть приподнять свою широкополую шляпу, он скрестил руки на груди и, не двигаясь с места, спокойно, свысока разглядывал своих молодых приятелей, если только это были его приятели.

— Что я слышу! — начал он, произнося слова уже не гнусавым, а глубоким раскатистым голосом. — Что я слы-

---

¹ *Диссиденты*, или *нонконформисты*, — члены протестантских групп, противостоящих Англиканской церкви.

шу? Уж не повторилось ли чудо Духова дня? Уж не снизошли ли с небес разделяющиеся языки? Но где они? Только что этот шум наполнял весь дом. Я различил семнадцать наречий сразу: парфяне, и мидяне, и еламиты, жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне — все они, по-видимому, были здесь, в этой комнате, две минуты тому назад.

— Извините, мистер Хелстоун! — начал Донн. — Не присядете ли вы, сэр, не налить ли вам вина?

На это учтивое предложение ответа не последовало; ястреб в черном одеянии продолжал:

— Что я толкую о даре языков! Дар, как бы не так! Я перепутал главы, и книги, и Заветы! Новый Завет с Ветхим, Деяния апостолов с книгой Бытия, Иерусалим с долиной Сенаар. Нет, тот шум, что буквально оглушил меня, это не дар языков, а вавилонское столпотворение. Это вы-то апостолы? Вы трое? Разумеется, нет. Три самонадежных вавилонских каменщика — вот вы кто!

— Уверяю вас, сэр, мы просто болтали за стаканом вина после дружеской трапезы. Ну и взялись разносить диссидентов...

— Диссидентов, вот оно что! И Мелоун тоже разносил диссидентов? А мне-то показалось, что он разносит своих собратьев. Вы просто ругали друг друга. И вы трое шумели ничуть не меньше, чем наш портной Моисей Барраклу вкупе со своими слушателями, когда они войдут в раж в методистской молельне. А ведь, наверное, все из-за тебя, Мелоун?

— Из-за меня? Что вы, сэр!

— Конечно из-за тебя. До твоего приезда и Донн, и Суитинг вели себя смирно, и опять присмиреют, если ты уедешь. Тебе бы следовало, отправляясь к нам, оставить свои ирландские привычки по ту сторону пролива¹; быть может, там, среди болот и в диких горах Коннота², повадки дублинского студента сходят священнику с рук, но

---

¹ Имеется в виду Северный пролив, отделяющий Ирландию от Северной Англии и Шотландии.

² *Коннот* — одна из главных провинций Ирландии.

здесь, в благопристойном английском приходе, они неуместны. Вы все позорите и самих себя, и, что еще хуже, церковь, скромными служителями которой вы являетесь.

В обращении маленького пожилого джентльмена с молодыми священниками, в том, как он их отчитывал, сквозила известная властность, — может быть, и неуместная при данных обстоятельствах. Мистер Хелстоун, прямой, как шест, с острым взглядом ястреба, несмотря на свою одежду — черный сюртук, широкополую шляпу и гетры, — больше походил на старого служаку-офицера, распекающего подчиненных, чем на почтенного священника, увещивающего своих духовных сынов. Евангельская доброта, апостольская кротость не наложили своего отпечатка на это смуглое энергичное лицо; его изваяла твердость, раздумье проложило на нем свои борозды.

— Мне только что повстречался Саплихью, — продолжал он. — Невзирая на ненастье и поздний час, он брел по болотам читать проповедь сектантской общине Милдина. Как я уже упоминал, я слышал Барраклу, проповедовавшего в сектантской молельне, и голос его напоминал рев разъяренного быка; а вас, джентльмены, я застаю в полном бездействии, вы прохладаетесь за полпинтой дрянного портвейна и пререкаетесь, подобно сварливым кумушкам. И неудивительно, что Саплихью за один день смог окрестить шестнадцать новообращенных взрослых, как это случилось две недели тому назад, или что негодяй и лицемер Барраклу сумел привлечь в свою молельню всех этих девушек-ткачих, явившихся в уборе из лент и цветов, чтобы убедиться, насколько его пальцы тверже края деревянной купели. Стоит лишь предоставить вас самим себе — и вы частенько служите в пустой церкви и произносите свои сухие проповеди лишь для причетника, органиста и церковного сторожа. Но довольно об этом. Сейчас мне нужен Мелоун. У меня к тебе дело, вояка!

— Какое? — недовольно спросил Мелоун. — Для похорон как будто поздновато...

— Ты сейчас вооружен?

— Конечно! Я всегда вооружен... — И он вытянул свои могучие руки и ноги.

— Не шути! Я говорю о настоящем оружии!

— Я всегда ношу при себе пистолеты, которые вы мне дали; даже ночью они лежат наготове у моей постели. Есть у меня и палка.

— Отлично. Можешь ты сейчас отправиться на фабрику Мура?

— А что там стряслось?

— Пока ничего, да, может, ничего и не будет, но Мур там совсем один. Всех надежных рабочих он послал в Стилбро, а с ним остались только две женщины. Узнай его «дружки», что путь свободен, они не преминули бы его навестить.

— Но и я не принадлежу к числу его друзей, сэр; что он мне?

— Ого, Мелоун, ты трусишь?

— Вы, конечно, шутите. Если бы я мог предположить, что там и вправду завяжется потасовка, я бы пошел. Но ради удовольствия провести вечер в обществе Мура — нелюдимого, странного и чуждого мне человека — я не сделаю и шагу.

— Потасовка может вспыхнуть. Конечно, настоящего бунта не будет, но вряд ли эта ночь пройдет спокойно. Ты ведь знаешь, что Мур решил во что бы то ни стало установить новые машины и сегодня вечером ждет из Стилбро два фургона с ткацкими и стригальными станками. Старший мастер Скотт и несколько надежных людей уже отправились за ними.

— Они доставят их в целостности и сохранности, сэр.

— Мур тоже в этом уверен и считает, что никто ему не нужен. И все-таки на всякий случай не мешает кому-нибудь быть поблизости, хотя бы в качестве свидетеля. Мур слишком неосторожен: не закрывает ставен в конторе, поздно вечером бродит совсем один по склону лощины или среди кустов возле поместья Филдхед, словно он неуязвим, словно он у нас всеобщий любимец или заколдован от ненависти, которую сам снискал. Печальная судьба Пирсона и Армitedжа — в одного стреляли в его собственном доме, а в другого на пустоши — не служит ему предостережением!

— А не мешало бы ему вести себя поосмотрительнее: да он, наверное, и поостерегся бы, доведись ему услышать то, что я услышал на днях, — вмешался Суитинг.

— Что ты слышал, Дэви?

— Вы знаете Майка Хартли, сэр?

— Ткача-антиномиста? Ну конечно.

— Так вот, после продолжительного запоя Майк обычно ходит в Наннли, к мистеру Холлу, высказывает ему свое мнение о его проповедях, порицает за приверженность к доктрине добрых дел и заявляет ему, что как сам мистер Холл, так и все его прихожане пребывают во мраке кромешном.

— Все это так, но при чем здесь Мур?

— Этот Майк не только антиномист¹, сэр, но к тому же убежденный якобинец и левеллер².

— Это я знаю. Когда он основательно напьется, он только и думает что о цареубийствах. Майк довольно сведущ в истории, и любопытно послушать, как он перечисляет тиранов, которые «не ушли от кровавого возмездия». Он прямо-таки бредит убийствами коронованных особ и покушениями политического характера. Мне уже намекали, что у него какой-то странный интерес к Муру. Ты это имеешь в виду, Суитинг?

— Вы угадали, сэр. Мистер Холл думает, что у Майка нет личной ненависти к Муру; Майк и сам признает, что он не прочь с ним поговорить, только он вбил себе в голову, что участь Мура должна послужить уроком для других. Совсем недавно он отзывался о Муре с похвалой, как об умнейшем фабриканте Йоркшира, и доказывал, что поэтому-то Мура и следует избрать искупительной жертвой. Не кажется ли вам, сэр, что он сумасшедший, этот Хартли? — простодушно закончил Суитинг.

— Кто его знает, Дэви; может быть, сумасшедший, может быть, плут, а скорее всего — и то и другое.

— Он уверяет, что у него бывают видения.

— О да! Что касается видений, это второй Иезекииль или Даниил³. В прошлую пятницу он пришел ко мне,

---

¹ *Антиномист* — последователь антиномизма, тенденции христианской мысли, предполагающей пренебрежение заповедями Ветхого Завета.

² *Левеллеры* (от *англ.* levellers — уравниатели) — радикальная партия времен Английской буржуазной революции, выступающая против монархии и аристократии.

³ *Иезекииль* и *Даниил* — ветхозаветные пророки.

когда я уже собирался лечь спать, и поведал об одном видении, явившемся ему днем в наннлийском парке.

— Кого же он увидел, сэр? — снова спросил Суинтинг.

— О, Дэви, на твоём черепе красуется большая шишка любопытства¹, а вот Мелоун, как видно, ее лишен: ни видения, ни убийства его не интересуют. Взгляни-ка на этого рослого, ко всему безучастного Сафа².

— Саф? А кто был Саф?

— Ну конечно же, я так и думал. Постарайся узнать это из Библии, — правда, мне и самому известно только его имя и колена, но его образ живо представляется мне еще с детского возраста. Мне кажется, он был честен, но неуклюж и несчастлив, этот Саф. Он погиб при городе Гоб от руки Сивхая.

— Ну а видение, сэр?

— Подожди, сейчас услышишь. Донн уже покусывает ногти, а Мелоун зевает, так что я расскажу это одному тебе. Майк сейчас, к несчастью, без работы, как и многие другие, и мистер Грейм, управляющий сэра Филиппа Наннли, поручил ему обнести поместье живой изгородью; и вот, рассказывал мне Майк, когда он работал однажды перед самыми сумерками, ему почудились звуки горна, флейты и трубы, словно далеко в лесной чаще играл оркестр; удивленный, он огляделся и увидел, что среди деревьев мелькают какие-то существа, красные, как мак, и белые, как яблоневый цвет; лес кишел ими; всё прибывая, они проникали в помещичий сад, и тут он понял, что это солдаты, тысячи и тысячи солдат, но шума от них было не больше, чем от мошек, роящихся летним вечером. В стройном порядке они промаршировали полк за полком по парку. Майк последовал за ними и дошел до общинного луга; издали все еще доносилась тихая музыка. На лугу солдаты начали перестраиваться, повинувшись команде человека в алом одеянии, стоявшего в самой середине. Строй растянулся на пространстве свыше пятидесяти акров; с полчаса Майк наблюдал за ними;

---

¹ Намек на модную в то время френологию — науку о связи психических особенностей человека и формы его черепа.

² Саф — библейский воин огромного роста.

затем они неслышно удалились; за все время он не уловил ни звука их голосов, ни поступи — ничего, кроме музыки — торжественного марша.

— Куда же они направились?

— К Брайерфилду; Майк пошел было за ними, но, когда они проходили мимо Филдхеда, столб серовато-синего дыма, словно от артиллерийского залпа, бесшумно разостлался над полями, дорогой и лугом и докатился до самых его ног. Когда дым рассеялся, Майк поглядел по сторонам, ища солдат, но их больше не было видно. Майк, как и подобает мудрому Даниилу, не только поведал нам о своем видении, но и дал ему толкование: по его мнению, оно предвещает кровопролитие и гражданские распри.

— И вы этому верите, сэр? — спросил Суитинг.

— А ты, Дэви?.. Однако, Мелоун, ты все еще здесь?

— Странно, сэр, что вы сами не остались у Мура. Такие вещи вам по душе.

— Я бы так и сделал, но, к сожалению, я пригласил Болтби поужинать со мной после заседания Библейского общества в Наннли. Я обещал Муру прислать тебя, за что, к слову сказать, он меня не поблагодарил, он предпочел бы мое общество. Но если что-нибудь случится, пусть ударят в фабричный колокол, и я поспешу к вам. Ступай же! А впрочем, — он повернулся к Суитингу и Донну, — не пожелают ли заменить тебя Дэви или Джозеф Донн? Что скажете, джентльмены? Поручение почетное, связанное с известным риском, — для вас не тайна, что в округе неспокойно, что население ненавидит и самого Мура, и его фабрику, и его машины. Я не сомневаюсь, что у вас в груди бьются сердца, полные рыцарских чувств и благородной отваги. Может быть, я слишком пристрастен к моему любимцу Питеру; пусть героем станет наш маленький Дэвид или наш непорочный Джозеф. А ты, Мелоун, оказывается, всего лишь огромный неуклюжий Саул¹, тебе остается только вручить свои доспехи более достойным: вынимай же свои пистолеты, подай сюда свою палку — вон она в углу.

---

¹ Саул — первый царь Израиля. Для поединка с Голиафом предложил Давиду свои тяжелые доспехи, но тот отказался: они лишь мешали ему.

С многозначительной усмешкой Мелоун вынул из кармана пистолеты и протянул их своим собратьям. Однако те не спешили завладеть ими; напротив, оба джентльмена с похвальной скромностью отступили на шаг.

— Я никогда не беру в руки оружия, — заявил Донн, — даже не прикасаюсь к нему.

— А я едва знаком с Муром, — пробормотал Суитинг.

— Если ты никогда не брал в руки оружия, не мешаешь коснуться его, чтобы знать, каково оно на ощупь, о великий сатрап Египта. Что же до нежного музыканта, он, по-видимому, намерен встретить филистимлян¹ с одной только флейтой в руках. Питер, подай им шляпы, они оба готовы отправиться в путь.

— Нет, сэр, нет, мистер Хелстоун, моя мать не одобрила бы этого, — жалобно произнес Суитинг.

— Я придерживаюсь правила никогда не вмешиваться в подобного рода дела, — заметил Донн.

По лицу Хелстоуна скользнула презрительная усмешка, а Мелоун раскатисто захохотал; он положил пистолеты в карман, взял шляпу и палку и, заявив, что «сегодня был бы не прочь ввязаться в хорошую потасовку и даже хотел бы, чтобы компания грязных сукновалов нагрязнула этой ночью к Муру», вышел из комнаты, сбегал по лестнице, прыгая через две-три ступеньки, и захлопнул за собой дверь с такой силой, что весь дом содрогнулся.

Глава II ФУРГОНЫ

На дворе была непроглядная тьма; звезды и луна скрылись за свинцовыми тучами, — вернее, свинцово-серыми они выглядели днем, а теперь превратились в непроницаемо-черные. Но Мелоун вообще не склонен был предаваться созерцанию природы и обычно не замечал ее. Когда в переменчивый апрельский день случилось ему проходить по многу миль, он не видел милых шалостей

---

¹ *Филистимляне* — соседний с израильянами народ, беспрепятственно с ними воевавший.

неба и земли, не замечал, как солнечный луч целует вершины холмов и те благодарно улыбаются, окутанные зеленоватым сиянием, или как лохматая туча, прикрыв их вершины своими космами, орошает их слезами. Ему и в голову не приходило сравнивать небо этого ненастного вечера — окутанный тучами свод, непроглядно-черный, кроме того краешка на востоке, где печи чугунолитейных заводов Стилбро отбрасывали бледное, дрожащее зарево, — с безоблачным небосводом ясных морозных ночей. Он не задумывался над тем, куда же девались созвездия и планеты, не сожалел о том, что иссиня-черный воздушный океан, с рассыпанными по нему серебристыми островками, невидим сейчас, застланный другим океаном — стихией более плотной и тяжелой. Он следовал своим путем, чуть подавшись вперед и сдвинув шляпу на затылок по ирландскому обычаю. «Топ-топ», — раздавались его шаги по шоссе, там, где дорога могла похвастать таким названием; «шлеп-шлеп», — по хлюпким колеям и слякоти, когда кончался бульжник. Взгляд его искал только путеводные вехи — шпиль церкви Брайерфилда, потом огни трактира. Когда же он поравнялся с ним и увидел свет, пробивавшийся сквозь неплотно задернутые занавеси, круглый, уставленный стаканами стол и компанию бражников на деревянных скамьях, он чуть было не поддался соблазну уклониться от своего пути. Мелоун с тоской подумал о стакане виски с водой; в другом месте он не замедлил бы удовлетворить свое желание, однако среди сотрапезников, пировавших на кухне, он заметил прихожан мистера Хелстоуна; все они его знали. И, тяжело вздохнув, он пошел дальше.

Вскоре Мелоун свернул с проезжей дороги и двинулся напрямик по ровным, пустынным полям, перепрыгивая кое-где через изгороди и плетни, что значительно сокращало расстояние до фабрики. На пути ему встретилось только одно здание, большое, казарменного типа, хоть и не совсем правильной формы: к высокой крыше, венчавшей длинный фасад, примыкала крыша пониже, с частым рядом дымовых труб; позади здания виднелись деревья. Весь дом тонул в темноте, ни одно окно не светило; кругом царил безмолвие, слышно было только, как стекают струи дождя с карнизов да завывает ветер среди голых сучьев и труб.

В этом месте пологие поля обрывались крутым ска- том: внизу лежала лощина, со дна которой доносилось журчание ручья. Невдалеке светился одинокий огонек, к нему-то и направился Мелоун.

Он подошел к невысокому домику, белевшему даже в густом мраке, и постучал в дверь; ему отворила румяная служанка; свеча, которую она держала в руке, осветила тесный коридор и узкую лестницу. Две двери, обитые темно-красным сукном, и красная ковровая дорожка на лестнице приятно оттеняли окрашенные в светлый тон стены и белизну пола; все здесь дышало свежестью и чистотой.

— Мистер Мур дома?

— Да, сэр, но здесь его нет.

— Нет? А где же он?

— На фабрике, в конторе.

Одна из дверей приотворилась, и женский голос спросил:

— Что там, Сара, — фургоны пришли?

И в дверях показалась женская головка. Возможно, то не была головка богини — этого нельзя было предположить хотя бы из-за папильоток над висками, но и головой Горгоны ее нельзя было бы назвать; однако Мелоун, очевидно, увидел в ней нечто устрашающее. При виде этой особы наш великан пугливо отпрянул и, пробормотав: «Я пойду к нему», в полном смятении, под дождем поспешил по дорожке вдоль живой изгороди, пересек темный двор и очутился перед черной громадой фабрики.

Рабочий день уже окончился, люди разошлись, машины бездействовали; дверь была заперта. Мелоун обошел вокруг здания; на длинном закоптелом фасаде он высмотрел щелочку света и забарабанил в одну из дверей. Щелкнул ключ, и дверь отворилась.

— Это ты, Джо Скотт? Ну как с фургонами?

— Нет, это я. Меня послал к вам мистер Хелстоун.

— А-а, мистер Мелоун! — В голосе говорившего прозвучало легкое разочарование. Мгновение спустя хозяин дома вымолвил учтиво, хотя и несколько сухова- то: — Входите, пожалуйста, мистер Мелоун. Мистер Хелстоун напрасно беспокоил вас, я говорил ему, что в этом нет никакой надобности... да еще в такую погоду. Входите же.

Мелоун прошел за хозяином через темное помещение, в котором ничего нельзя было разглядеть, в ярко освещенную просторную комнату. В особенности светлой и веселой показалась она путнику, чьи глаза только что целый час напряженно всматривались в густой мрак ненастной ночи. Впрочем, только яркий огонь в камине да изящная лампа, разливавшая теплое сияние над столом, придавали некоторый уют этой совсем простой комнате. На дощатом полу не было ковра; три-четыре жестких стула, выкрашенные зеленой краской, словно перенесенные из фермерской кухни, конторка солидного, делового вида, упомянутый уже стол; на стенах, выкрашенных в серый цвет, чертежи строений и машин, планы разбивки садов — вот и вся обстановка.

Но какой бы ни была комната, она, очевидно, пришлась Мелоуну по вкусу. Сняв мокрый сюртук и шляпу, он пододвинул к камину один из неуклюжих стульев, уселся и протянул ноги к раскаленной докрасна каминной решетке.

— А вы тут уютно устроились, мистер Мур.

— Да. Но сестра была бы, наверное, рада вас повидать, — не пройти ли вам в дом?

— Ну что вы! Дамам лучше не мешать. Я ведь не дамский угодник. Не путаете ли вы меня, чего доброго, с моим другом Суитингом?

— Суитинг? Который же это? Тот, что в коричневом сюртуке, или другой, такой маленький?

— Маленький, тот, что в Наннли; поклонник всех девиц Сайкс, влюбленный во всех шестерых сразу, ха-ха!

— Мне кажется, всегда безопаснее увлекаться несколькими сразу, чем одной.

— Но он и влюблен в одну из них особенно сильно; мы с Донном однажды выпытали у него, кто его избранница в этом цветнике, и, как вы полагаете, кто?

— Дора, конечно, или Гарриет, — ответил Мур, усмехнувшись своим мыслям.

— Ха-ха! Вы догадливы! Но почему вы так думаете?

— Они самые рослые и красивые среди сестер; Дора к тому же самая дородная; мистер Суитинг, напротив того, мал ростом и тщедушен; ну а всем известно, что противоположности сходятся.

— Вы правы: он влюблен именно в Дору. Однако надеяться ему не на что, как по-вашему?

— А что у него есть, помимо жалованья?

Вопрос этот привел Мелоуна в неопишуемый восторг; минуты через три, насмеявшись вволю, он ответил:

— Что есть у Суитинга? У нашего Дэвида есть арфа или флейта, — впрочем, это все равно; у него есть часы накладного золота, такое же кольцо и такой же лорнет; вот и все, что есть у Суитинга.

— Да сможет ли он хотя бы одевать такую особу, как мисс Сайкс?

— Ха-ха! Это хорошо сказано! Не забуду спросить у него об этом при первой же встрече. Уж и подражаю я его за самоуверенность! Но, вероятно, он рассчитывает, что Кристофер Сайкс даст за дочьрю хорошее приданое? Он как будто богат? У них такой большой дом.

— Да, он ведет крупные дела.

— Значит, он в самом деле богат?

— Значит, он весь свой капитал вкладывает в эти дела. Для него сейчас изъять деньги из оборота, чтобы дать их в приданое за дочерьми, так же безрассудно, как мне, скажем, снести свой домик и возвести на его развалинах величественное здание вроде Филдхеда.

— А знаете ли вы, что́ я слышал на днях?

— Нет; вероятно, что я и вправду замышляю что-нибудь в этом роде? Здешние жители способны на любую выдумку.

— Что вы собираетесь арендовать Филдхед — сейчас только проходил мимо этого мрачного места — и ввести туда хозяйкой одну из девиц Сайкс; короче говоря, что вы собираетесь жениться, ха-ха! Ну-с, докладывайте, кто же ваша избранница? Дора небось, — сами же сказали, что она красивее других.

— С той поры как я поселился в Брайерфилде, меня то и дело женят! В окрестностях, кажется, нет ни одной невесты, которую бы мне не сватали: то двух девиц Уинн — сначала черненькую, потом беленькую, то рыжую мисс Армитедж, то перезрелую Энн Пирсон. А теперь вы хотите обременить меня целым выводком девиц Сайкс. Откуда берутся эти толки — один Бог ведает. Я нигде не бываю, избегаю общества женщин столь же старательно,

как и вы, мистер Мелоун; в Уинбери я езжу только затем, чтобы повидать Сайкса или Пирсона в их конторе, и говорим мы вовсе не о женитьбе, ибо головы наши полны забот, весьма далеких от сватовства и приданого. Сукно, которое некуда сбывать, рабочие руки, которые нечем занять, фабрики, которые приходится закрывать, неблагоприятное для нас стечение обстоятельств, которые мы бессильны изменить, — вот что действительно волнует нас... Где уж тут заниматься такими пустяками, как ухаживание за девушками.

— Я с вами согласен, Мур. Ничто так не противно мне, как брак; я подразумеваю пошлый, вульгарный брак, — брак только по сердечной склонности; двое нищих вступают в союз, скрепленный нелепыми узами любви, — какая чушь! Но выгодная партия, основанная на взаимном интересе и общности взглядов, — дело неплохое, как по-вашему?

— Пожалуй, — рассеянно отозвался Мур; тема эта, казалось, вовсе его не занимала.

Разговор оборвался. Некоторое время Мур сидел молча, с озабоченным видом глядя на пламя камина; вдруг он повернул голову и насторожился.

— Что это? — воскликнул он. — Вы слышали? Стук колес!

Встав с места, он подошел к окну, отворил его, прислушался и опять закрыл.

— Увы! Мне показалось, — заметил он. — Это только шум ветра или ручей, вздувшийся от ливня, стремительно бежит по лощине. Я ожидал фургоны к шести часам; теперь же скоро девять.

— Вы в самом деле боитесь, что установка новых машин может оказаться опасной? — спросил Мелоун. — Хелстоун, кажется, в этом уверен.

— Только бы станки были доставлены в целости и стояли у меня на фабрике, и никакие разрушители машин мне уже не страшны; а если они наведаются сюда — получают по заслугам. Моя фабрика — это моя крепость.

— Что и говорить, низкие негодяи, — произнес Мелоун как бы в глубоком раздумье. — Мне даже хочется, чтобы они пожаловали сюда сегодня ночью; однако на дороге, когда я шел, все было спокойно и я не заметил ничего подозрительного.

— Но ваш путь лежал мимо трактира?

— Да!

— Там-то все спокойно. Угроза со стороны Стилбро.

— Вы все-таки ждете нападения?

— Громили же других, могут напасть и на меня. Разница только в одном: я намерен защищать свое дело, фабрику и машины, а большинство фабрикантов скованы страхом. Взять хотя бы того же Сайкса: когда эти бандиты сожгли его склад, а сукна сорвали с сушилен, искромсали и бросили среди поля, Сайкс и пальцем не пошевелил, чтобы разыскать негодяев; он держался робко, как кролик в зубах у хорька. Нет, я не таков.

— Хелстоун говорит, что все это — ваши кумиры; вы считаете Приказы Совета¹ семью смертными грехами, Каслри — антихристом, а партию сторонников войны — его воинством.

— Ничего удивительного! Все эти Приказы разоряют меня; они создают препятствия на моем пути, не дают мне развернуть дело, разбивают все мои планы.

— Но вы же преуспеваете, вы богаты?

— Богат! Богат товаром, которому нет сбыта; загляните ко мне на склад, вы увидите, что он доверху завален грудями сукон. Рокс и Пирсон в таком же положении; Приказы Совета лишили нас нашего главного рынка — Америки.

У Мелуона, казалось, не было охоты поддерживать такого рода беседу: он зевнул и начал постукивать каблуком о каблук.

— А при всем этом, — продолжал Мур (увлеченный своими мыслями, он не замечал, что гость его порядком скучает), — здесь, в Уинбери и в Брайерфилде, о тебе разносят нелепые слухи, без конца сватают тебе невест. Как будто в жизни и делать больше нечего, кроме как ухаживать за молодой девицей, потом повести ее к алтарю, совершить с ней свадебное путешествие и круг положенных визитов, а затем, очевидно, «плодиться и размножаться»...

---

¹ Приказы Совета («Королевские приказы» 1807 года) запрещали нейтральным государствам вести морскую торговлю со странами, участвующими в континентальной блокаде Британских островов, и обязывали нейтральные суда заходить в британские порты для уплаты налогов и проверки места назначения грузов.

Oh, que le diable emporte¹. — Он как-то сразу оборвал свою пылкую речь, затем добавил более спокойным тоном: — Впрочем, у женщин только и разговоров, только и дум что о браке; им невдомек, что мужчины заняты другим.

— Конечно. Да что нам до них, — отозвался Мелоун, он засвистел и огляделся вокруг, проявляя признаки нетерпения. На этот раз намек был понят хозяином.

— Мистер Мелоун, вам нужно подкрепиться после такой прогулки под дождем. Простите, что я столь негостеприимен.

— Нет, что вы! — возразил Мелоун.

Но по выражению его лица Мур понял, что угадал. Он поднялся и открыл шкаф.

— Я люблю, чтобы все необходимое было у меня под рукой, — сказал он. — Ни к чему на каждом шагу зависеть от женщин. Я часто провожу здесь вечер, ужинаю в одиночестве и ночую с Джо Скоттом на фабрике. Иногда я заменяю ночного сторожа: я мало сплю и не прочь тихой светлой ночью побродить с ружьем на плече часок-другой по лощине. Скажите, мистер Мелоун, сумеете ли вы поджарить баранью котлету?

— Еще бы... сотни раз проделывал это в колледже.

— Вот вам рашпер и котлеты. Вы знаете, их надо быстро переворачивать, тогда мясо останется сочным.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке. Дайте мне, пожалуйста, нож с вилкой.

Священник загнул манжеты и с усердием принялся за дело. Хозяин поставил на стол тарелки, хлеб, бутылку с темной жидкостью и два бокала, затем достал из своего битком набитого тайничка небольшой медный котелок, налил в него воды из глиняного кувшина, стоявшего в углу, поставил на огонь возле шипящего рашпера, вынул лимоны, сахар, небольшую пуншевую чашу и принялся варить пунш. Стук в дверь отвлек его от этого занятия.

— Это вы, Сара?

— Да, сэ. Пожалуйста ужинать.

— Нет, сегодня я к вам не приду; я переночую на фабрике. Передайте хозяйке, чтобы ложилась спать, и запирайте дверь.

---

¹ К черту все это (фр.).

Он снова подошел к камину.

— Н-да, у вас тут хозяйство налажено, — одобрительно заметил Мелоун. Лицо его покраснело под стать горячим уголькам, над которыми он склонился, усердно переворачивая котлеты. — Вы человек независимый, не то что бедняга Суитинг, — фу ты, как брызнул жир, даже руку обожгло, — тому, видно, на роду написано быть рабом женщин. Ну а мы с вами, Мур, — нате вот эту котлетку, она сочная и хорошо подрумянилась, — мы, конечно, не допустим, чтобы жены верховодили нами.

— Не знаю. Я как-то об этом и не думал; впрочем, если жена будет миловидной и сговорчивой, то пускай себе!

— Ну-с, котлеты готовы. А как пунш?

— Вот попробуйте, я вам налил... Надо будет попотчевать Джо Скотта и остальных, если только они доставят мои станки в целости.

За ужином Мелоун развеселился: громко смеялся по всякому поводу, отпускал плоские шуточки и сам их похваливал — словом, совсем разошелся. Хозяин дома, напротив, сохранял невозмутимое спокойствие. Пора, однако, дать тебе, читатель, некоторое представление о его внешности; пока он сидит, задумавшись, за столом, я попытаюсь набросать его портрет.

На первый взгляд его облик может показаться несколько странным: он похож на иностранца, худощав, цвет лица у него изжелта-смуглый; пряди темных волос ниспадают на лоб; по-видимому, он не слишком занимается своей одеждой, иначе в ней было бы больше вкуса; он, кажется, и не подозревает о том, что у него привлекательное лицо южного типа, с изящным овалом и правильными, тонко обрисованными чертами. Но и другие замечают это, только приглядевшись к нему, — тревожное и несколько угрюмое выражение портит это красивое лицо. Большие серые глаза смотрят пристально и строго, скорее пытливо, чем ласково, скорее вдумчиво, чем приветливо. Когда он улыбается, лицо становится приятным, не то чтобы открытым или веселым, но оно подкупает вас своим мягким спокойствием и говорит — хотя, быть может, впечатление это обманчиво — о душе чуткой и нежной, о терпении, снисходительности, возможно, и о верности, — чертах характера, столь драгоценных в семейной жизни. Он еще мо-

лод, — ему не более тридцати лет, — высок ростом и строен. Но говорит он неприятно: его иностранный выговор, который он старается замаскировать нарочитой небрежностью произношения, режет слух англичанина и тем более йоркширца.

Дело в том, что Мур не чистокровный англичанин. Мать его была француженкой; он родился и провел детство в чужих краях. Полуфранцуз-полуангличанин, Мур отличался половинчатостью чувств во многом, например в чувстве патриотизма; по-видимому, он был неспособен связать себя с какой-либо партией, с вероучением, сродниться с одной страной и ее обычаями; возможно, он был склонен держаться особняком в любой общественной среде, куда могла его забросить судьба, и полагал, что самое лучшее для него, Роберта Жерара Мура, ставить превыше всего свои собственные интересы, не принимая во внимание филантропические соображения блага общественного, ибо подобные соображения были ему совершенно чужды. Наследственным призванием Мура была торговля. Антверпенские Жерары были коммерсантами на протяжении двух столетий; некогда они преуспевали, но неустойчивость и изменчивость политической обстановки и финансовые затруднения постепенно разоряли их; несколько неудачных торговых сделок подорвали их престиж; после этого торговый дом Жераров кое-как еще держался лет десять, но буря французской революции окончательно разорила его. В своем крушении он увлек за собой английскую и йоркширскую фирмы Муров, тесно связанных с антверпенской фирмой; один из компаньонов, Роберт Мур, был женат на Гортензии Жерар; в свое время он рассчитывал, что супруга его унаследует в деле долю своего отца, Константина Жерара, но случилось так, что в наследство ей достались одни лишь долговые обязательства. Говорили, что часть этого долга, — уменьшенного любовным соглашением с кредиторами, — перешла по наследству к ее сыну Роберту и что он надеялся когда-нибудь выплатить этот долг и восстановить торговый дом Жерара и Мура хотя бы в его былом величии. По-видимому, перенесенные испытания оставили глубокий след в его душе, и если в самом деле горестные впечатления детства, проведенного возле уг-

рюмой матери, в предчувствии надвигающейся катастрофы, и юности, исковерканной и смятой разразившейся бурей, мучительно запечатлеваются в сознании человека, то в его памяти сохранились отнюдь не лучезарные воспоминания.

Во всяком случае, если Мур и лелеял надежду восстановить торговую фирму Жераров, то у него не было ни средств, ни возможностей сделать это, и в ожидании лучших времен приходилось довольствоваться малым. Но по приезде в Йоркшир, где предки его владели складами в порту и фабриками в городе, имели там дом и поместье, он смог позволить себе только одно — арендовать суконную фабрику на окраине маленького городишки, поселиться в домике по соседству и присоединить к своим владениям несколько акров неудобной земли на склоне лощины, в которой шумел фабричный ручей; там можно было пасти лошадей и установить сушильни. В те военные годы все было дорого, и он платил большую арендную плату опекунам наследницы имения Филдхед.

К тому времени, о котором мы ведем свое повествование, Роберт Мур прожил в округе всего два года, но успел проявить себя человеком деятельным и энергичным. Заброшенный домик он превратил в уютное приятное жилище, на клочке одичалой земли разбил сад и возделывал его с редкостным, истинно фламандским усердием и рвением. Фабрика же была старая, механизмы изношенные, устаревшие, и Мур с самого начала отнесся к своему приобретению с нескрываемым презрением и недовольством; он решил в корне все здесь переделать и добивался всего, что могли позволить ему его скромные средства. Однако вести дело с размахом Мур не мог, и это угнетало его, всегда стремившегося вперед. «Вперед» — было девизом его жизни, но бедность обуздывала его стремления; иногда, говоря образно, он готов был грызть удила, когда узда слишком натягивалась.

Нельзя было и ожидать, чтобы Мур в подобном положении беспокоился о том, как бы интересы его карьеры не нанесли ущерба другим. Он не был здешним уроженцем или хотя бы старожилом и не жалел тех, кого своими нововведениями обрекал на нужду; он не задумывался над тем, где добудут кусок хлеба рабочие, ли-

шенные заработка на его фабрике, но в своем равнодушии ничем не отличался от множества других предпринимателей, от которых голодавшие бедняки Йоркшира имели больше оснований требовать сочувствия.

Время, о котором я пишу, было одной из самых тяжелых эпох в истории Великобритании, в особенности для ее северных областей. Война была в разгаре, и в нее была ввергнута вся Европа. Затянувшиеся военные действия если и не окончательно истощили Англию, то в достаточной мере обессилили ее, народ устал и требовал мира на любых условиях. В глазах многих людей такие понятия, как честь нации, утратили всякий смысл, потому что зрение их было притуплено голодом и за кусок хлеба они продали бы свое первородство.

«Указ о контрблокаде», которым Англия ответила на миланский и берлинский декреты Наполеона, запрещавший нейтральным государствам торговать с Францией, оскорбив Америку, лишил йоркширских фабрикантов шерсти основного рынка сбыта и привел их на грань банкротства. На мелких иностранных рынках, заваленных товарами, был полный застой; на складах Бразилии, Португалии, Королевства Обеих Сицилий скопилось товаров на два-три года вперед. В это трудное время ткацкие фабрики на севере стали применять вновь изобретенные машины, вытеснявшие ручной труд; тысячи рабочих очутились на улице без заработка. Вдобавок год выдался неурожайным. Бедствие достигло своего предела. Мера терпения истстрадавшегося народа была переполнена, вспыхивали бунты. Казалось, на севере, в гористых графствах, слышался смутный гул подземных ударов, предвещавший общественные потрясения. Но в те дни, как и всегда в подобных случаях, мало кто понимал всю серьезность положения. Вспыхивал ли голодный бунт, горела ли фабрика, подожженная бунтовщиками, подвергался ли разгрому дом фабриканта, когда его имущество выбрасывалось на улицу, а сам он ради спасения жизни бежал, забрав семью, — местные власти откликались на эти события неохотно, да и не всегда: зачинщика иногда обнаруживали, но чаще он ускользал, сообщения о происшествии попадали в газеты, и на том дело кончалось. А бедняки, единственным достоянием которых был труд,

лишившись работы, а следовательно, заработка и куска хлеба, продолжали влачить жалкое существование; это было неизбежно: нельзя было ни прекратить изобретательство, ни остановить прогресс науки. Войну тоже невозможно было прекратить, и облегчения ждать было неоткуда; обездоленным ничего другого не оставалось, как смириться со своей участью — испить до дна чашу горя.

Нужда порождает ненависть; обездоленные возненавидели машины, которые, как они думали, отняли у них хлеб; они возненавидели фабрики, где стояли эти машины; они возненавидели владельцев фабрик. В приходе Брайерфилд, о котором мы повествуем, предметом особой ненависти была фабрика Мура; самым ненавистным среди фабрикантов был Жерар Мур, полуиностранец и ярый сторонник прогресса. И пожалуй, ему, человеку своеобразного склада, даже нравилось возбуждать к себе всеобщую ненависть, в особенности если он верил, что дело, за которое его ненавидят, — правое дело и выгодно для него; вот и сегодня ночью он в возбужденном, даже воинственном настроении поджидал прибытия фургонов с машинами; возможно, и Мелоун был для него сегодня нежелательным гостем; любя мрачное безмолвие и уединение, — пусть даже небезопасное, — он охотнее провел бы этот вечер в одиночестве; его ружье с успехом заменило бы ему любое общество; журчание полноводного ручья, доносившееся снизу, звучало для его слуха приятнее человеческого голоса.

* * *

Несколько минут Мур молча наблюдал за священником-ирландцем, без стеснения расправляющимся с его пуншем; внезапно странное выражение его серых задумчивых глаз изменилось, словно что-то другое привлекло его внимание.

— Ш-ш! — произнес он и поднял руку, когда Мелоун неосторожно звякнул бокалом. С минуту он прислушивался, затем встал, надел шляпу и вышел из конторы.

Вечер был темен, тих и недвижим; слышно было только, как стремительно мчится ручей, вздувшийся от дождя; в глубокой тишине казалось, что это большая река. Однако слух Мура уловил в отдалении и другие звуки — прерывистый стук тяжелых колес по каменистой дороге.

СОДЕРЖАНИЕ

Неукротимый дух. <i>Е.Гениева</i>	5
---	---

ШЕРЛИ

Глава I. ЛЕВИТЫ	21
Глава II. ФУРГОНЫ	35
Глава III. МИСТЕР ЙОРК	51
Глава IV. МИСТЕР ЙОРК (Продолжение)	60
Глава V. ДОМИК В ЛОЩИНЕ	71
Глава VI. КОРИОЛАН	88
Глава VII. СВЯЩЕННИКИ В ГОСТЯХ	108
Глава VIII. НОЙ И МОИСЕЙ	134
Глава IX. БРАЙЕРМЕЙНС	150
Глава X. СТАРЫЕ ДЕВЫ	174
Глава XI. ФИЛДХЕД	192
Глава XII. ШЕРЛИ И КАРОЛИНА	210
Глава XIII. ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЛОВЫЕ СООБЩЕНИЯ	233
Глава XIV. ШЕРЛИ ИЩЕТ УСПОКОЕНИЯ В ДОБРЫХ ДЕЛАХ	260
Глава XV. ИЗГНАНИЕ МИСТЕРА ДОННА	274
Глава XVI. ТРОИЦЫН ДЕНЬ	289
Глава XVII. ШКОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК	300
Глава XVIII, КОТОРУЮ ЛЮБЕЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ МОЖЕТ ПРОПУСТИТЬ, ИБО В НЕЙ ПОЯВЛЯЮТСЯ ПЕРСОНАЖИ, НЕДОСТОЙНЫЕ ЕГО ВНИМАНИЯ	317
Глава XIX. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ	329
Глава XX. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ	346
Глава XXI. МИССИС ПРАЙОР	359
Глава XXII. ДВЕ ЖИЗНИ	378

Глава XXIII. ВЕЧЕР В ГОСТЯХ	389
Глава XXIV. ДОЛИНА СМЕРТИ	411
Глава XXV. ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР	432
Глава XXVI. СТАРЫЕ УЧЕНИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ	440
Глава XXVII. ПЕРВЫЙ «СИНИЙ ЧУЛОК»	461
Глава XXVIII. ФЕБ	486
Глава XXIX. ЛУИ МУР	508
Глава XXX. ИСПОВЕДЬ	518
Глава XXXI. ДЯДЮШКА И ПЛЕМЯННИЦА	534
Глава XXXII. ШКОЛЬНИК И ЛЕСНАЯ НИМФА	552
Глава XXXIII. МАРТИН БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО	564
Глава XXXIV. ДОМАШНИЕ НЕУРЯДИЦЫ, ИЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР БЛАГОЧЕСТИВОГО РВЕНИЯ	576
Глава XXXV, В КОТОРОЙ ДЕЛО ПРОДВИГАЕТСЯ, НО НЕ НАМНОГО	584
Глава XXXVI, НАПИСАННАЯ В КЛАССНОЙ КОМНАТЕ	598
Глава XXXVII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ	621

Литературно-художественное издание

ШАРЛОТТА БРОНТЕ
ШЕРЛИ

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Александра Савастени
Корректоры Станислава Кучепатова,
Валерий Камендо, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 11.02.2019.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 28,2.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-7966-87-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/